

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

ПРИНИМАЙ ВСЁ КАК ЕСТЬ,
ЭТО ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО
ОТ ИЛЛЮЗИЙ.

ГДЕ ВАЛЯЮТСЯ
ПОЦЕЛУИ.

18+

ВЕНЕЦИЯ

Ринат Рифович Валиуллин

Где валяются поцелуи. Венеция

Серия «Антология любви»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37677274

*Где валяются поцелуи. Венеция : [роман : рисунки автора] Издание дополненное и переработанное. / Ринат Валиуллин: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-100044-8*

Аннотация

«Где валяются поцелуи. Венеция» – это кино, которое снимается в Венеции на ваших глазах. Вместе с кадрами фильма, сцена за сценой, с героев картины снимаются маски по одной простой причине – в масках невозможно целоваться. То есть невозможно дать волю настоящим чувствам.

Что может быть лучше, чем долгожданная встреча, только случайная? Благодаря последней Фортуна отправляется в город-маскарад, город-корабль, город – Ноев ковчег, созданный своей красотой спасти мир от потопа однообразия, скуки и лжи, где каждой твари по паре, а каждому жителю – по маске. Где, прогуливаясь вдоль каналов, всегда можно зайти в лицемерочную. Одни приезжают сюда, чтобы примерить маску, другие – чтобы ее сорвать.

Ранее книга издавалась под названием «Где валяются поцелуи»

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ринат Валиуллин

Где валяются поцелуи. Венеция

И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли. Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи. И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей. И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нём нижнее, второе и третье жильё.

Библия Быт. 6:13–16

Ной сделал все так, как повелел ему Бог. По окончании строительства сказал Бог Ною войти в ковчег со своими, и взять каждой твари по паре, чтобы они остались в живых. И взять всякой пищи, какая необходима себе и животным. После чего ковчег был затворен Богом.

Пролог

Корабль снаряжен и отплывает. Венеция – кусок цивилизации, осколок искусства, комета высокой культуры. Ковчег готов к великому потопу.

Но не успело судно отойти от берега, как неожиданно Венеция начинает уходить под воду. На корабле объявлена тревога. Для спасения своей шкуры люди вынуждены надеть кислородные маски. Что, как не маска, может спасти чело-

века в критической ситуации? Надел, вроде как стал другим и под защитой.

Венеция довольно быстро погружалась в пучину, в результате суша просела на двадцать три сантиметра. Ной, не ной, а ковчег шел ко дну. Неужели конструктор ошибся, почему же корабль тонет? Может, просто опытное судно? Бог проверяет на вшивость кусок человечества?

Когда все уже были уверены, что от потопа им не уйти, корабль, представлявший собой прекрасный город, с множеством каналов и мостов, вдруг перестал тонуть. Божьей милостью ли, или Ноя, люди спаслись. Ной объявил великий праздник. Венеция веселилась в честь чудесного спасения, радость эта вылилась в один большой карнавал, в один грандиозный спектакль, где каждой твари нашлось по паре. Арлекин, Коломбина, Педролино, Пульчинелла, Пьеро – артисты комедии дель арте, лучшим из которых был Дзанни. Он способен был в одиночку завести зрителей, выходя на публику неизменно в двугорбой шапочке с огромным длинным носом и в просторном крестьянском балахоне. Фантеска, Фьяметта, Смеральдина, Моретта – служанки, верные и покорные, особенно Моретта, немая как рыба, она молча исполняла волю хозяина, Бригелла – умный слуга, Труффальдино – глупый, Баута – господин, его высочество «смерть», вызывавшая у всех страх и уважение, Джокер – адвокат, Кот – жандарм, который должен был ловить на корабле мышей и жил во Дворце дожей. Кроме прочих в команде были еще

скупой рыцарь, ученый, судья и военный. Даже Чумной Доктор, который казался чужаком на этой свадьбе, совал свой длинный клювообразный нос в чужие дела. При этом он помещал в него различные, сначала ароматические масла, а затем и другие вещества – считая, что они предохранят его от этой чумы. Поверх одежды Доктор носил темный длинный плащ из вощенной материи, из-за чего и походил на зловещую птицу, а длинная трость в его руке позволяла держать дистанцию ото всех прочих. Вольто – гражданин, законопослушный, как и все порядочные граждане. Сам Ной, в окружении Венецианских Дам: Либерти, Валери, Саломеи, Фантазии, устав от веселья, решил совершить прогулку по городу на гондоле.

Белая рубашка гондольера, как флаг независимой прогулки. Только «с воды» и под песни гондольера можно увидеть город в самом выгодном ракурсе. Под широкой улыбкой гондолы проплывают великие дворцы и невеликие дома, в которых венецианцы жили на протяжении столетий. Скоро он споет. А пока арки мостов, звон колоколов, раздающийся из-под куполов церквей, лишь настраивают наш слух, словно камертон.

Наконец, он затянул свою песню. Это была фальшивая итальянская мелодия. Лучше бы он греб молча. В душе у каждого заскрипело уключиной: «Я убью тебя, лодочник». Ною пришлось кинуть лодочнику золотую монету, чтобы тот замолк. Вода весело отражала масштабы праздника, увели-

чивая его в геометрической прогрессии. Тысячи Либерти, Валери, Саломей и Фантазий, взмахивая подолами юбок, пустились в пляс. Берег танцевал в воде, вспыхивая тут и там гребнем волны. Сумасшествие охватило город.

Его путь шел от Моста босоногих, который находится рядом с железнодорожным вокзалом. В этом районе когда-то жили бедняки, настолько бедные, что были не в состоянии купить себе обувь. В знак солидарности Ной снял свою, перекинул ноги за борт и помочил их в стремнине. Лодочник посмотрел на него с пониманием, даже вспомнил подходящую песню, но снова запеть не рискнул – до Моста вздохов из белого мрамора. Прежде по нему проводили осужденных, и именно отсюда они могли в последний раз увидеть Венецию. По мосту шла группа туристов.

Ной вздохнул, будто представив себя на их месте. Более всего в этой жизни ему не хотелось быть туристом. Вернул на ноги туфли и обреченно посмотрел на Фантазию:

- О чем ты так глубоко задумалась?
- Я думала, что чудес не бывает, – молвила Фантазия.
- Чудес не бывает, но Венеция-то есть.

Венецианский Пантеон, Школа святого Иоанна Евангелиста, старинные защитные сооружения и храмы. Дворы, дворяне, ремесленники, квартал красных фонарей. Здесь, под масками Джокеров, Котов, Докторов и Венецианских Дам дамы отдавались слугам, а господа любили служанок. Жажда любви или просто жажда. Всем хотелось выпить. Как толь-

ко гондола вышла в Гранд-канал, Ной взял на бордаж плавающий ресторан. Несколько итальянских реплик, и вот уже Соаве приятно холодит горло. Рядом проплывают многочисленные бары Венеции, куда ходят только местные. Как считают венецианцы – лучшее вино в городе должно принадлежать им, пассажирам этого прекрасного корабля.

Мягкое белое вино вовремя подхватывает мысли и несет их бог знает куда. Он все знает. Соаве – мягкий, сорт вина и винограда из области с одноименным названием, молодое красное вино Бардолино, белые Гамбеллара и Лессини Дурелло. Вечером красное – Вальполичелла, довольно крепкое Супериоре или сухое Амароне. Его теплые бархатистые ноты подхватывает гондольер, и тот снова затягивает свою любимую песню. На этот раз песня ложится как нельзя на душу. Итальянская мелодия – это непередаваемый аромат. Хочется приобрести сразу несколько бутылок, чтобы угостить друзей, оставшихся на земле, но для впечатлений еще не придумана тара. Придется им довольствоваться десертным Торколато, чтобы ощутить хоть какую-то сладость нашего путешествия. После десертного захмелевшему хозяину вдруг захотелось побыть в шкуре слуги, а даме в роли служанки. Черный плащ и треугольная шляпа, и вот уже никто не разберет, из какого ты сословия и какого полу. Моретта меняется маской с Баутой, а Джокер с Доктором, и пошло-поехало. Скоро было уже абсолютно неизвестно, кто скрывается под маской – Арлекин или Коломбина? Вольто, Кот или Венецианские

Дамы?

«Тайная вечеря» Тинторетто. Сыграв ее на колокольне, солнце закатывается, придавая морю цвет муранского стекла. Тут его родина. Все тот же конструктор создал это стекло, чтобы выводить на чистую воду зло. Ною капаят в бокал вино из початой бутылки. Стекло трескается. Он улыбается: – Достаточно было капнуть на муранское чудо яд – как по стеклу начинали идти трещины. Неоценимое достоинство для Венеции, где проживало немало любителей избавляться от врагов с помощью ядов. Главный из которых – скука. Именно скука зачастую и отравляет нашу жизнь.

Ной выливает бокал в канал, словно добавляя масла в огонь праздника. Тот вспыхивает пуще прежнего. Жизнь без яда скучна. При приеме яда главное – не отравиться.

Ресторан на площади Сан-Марко. За белыми скатертями белые люди. Ассорти из итальянских сыров, фуа-гра, оливковые салаты, ризотто с грибами и морепродуктами, рыба сырая, жареная, вареная, национальные супчики, пасти набиты пастой.

Дворец дожей – история города, который когда-то был крепостью, охраняется крылатыми львами – из тех тварей, что по паре взял с собой Ной. Внутри – Пурпурная Комната, где дож встречается с прокураторами, Зал Четырех Дверей, Зал Коллегии и Зал Сената. «Похищение Европы». Глядя на нее, понимаешь, за что после Зевса Европу похищали еще несколько раз. В разные времена на каждую Европу на-

ходиллся свой Зевс.

«Золотой дом». В середине XIX века, когда на его стенах оставалось еще немного золота, дом приобрел князь Александр Трубецкой и подарил его великой балерине Марии Тальоне. Мисс пуанты. Именно она первой встала на пуанты. Даже ноги ее удивились такому щедрому подарку.

Дожи дожами, а производством масок занимались простые смертные, которых на корабле было достаточно, кто-то должен был делать черную работу. Кто-то должен был делать новые маски, чтобы господа отличались от слуг. Для приближенных Ноя это было идеальным прикрытием, чтобы ходить в народ. Несмотря на веселье, Ной чувствует себя все грустнее на этом празднике жизни, среди множества не людей, а масок. Те свои, которых он взял в ковчег, оказались совсем другими. Твари по паре – так по паре, по паре, они скоро образовали тупую послушную толпу. Ему показалось, что гондола его плывет не по Гранд-каналу, а по реке Стикс.

Проходя вдоль Палаццо Грасси, он вспомнил, что здесь живет призрак – дух усопшей девушки, который иногда разговаривает с людьми. Перекинулся с ней парой ничего не значащих фраз и прочь. У дома кардинала Канторини появляется дух художника Джорджоне, что убил себя из-за несчастной любви. Банально – не хватило красок, чтобы выразить свои чувства. И вот, наконец, склеп в Дорсодуро, который хранит часы настоящей ведьмы. Ной причаливает к берегу, к древнему зданию, где живет колдунья. Она умела

заговаривать время. Ходили слухи, что любой, кто остановит свои часы у ворот ее дома, перестает стареть. Именно она заговорила время на корабле, чтобы тот тонул как можно дольше. В результате, потоп был отложен на неопределенное время. Только теперь Ной понял, почему его тянуло именно сюда, именно в этот дом. Глядя на этот пир во время чумы, Ною захотелось отменить свой заказ, но время уже невозможно было повернуть вспять. Потоп так и не состоялся, а корабль стал музеем, в котором до сих пор не умолкает маскарад.

– Ну что, неплохо, неплохо. Страшно красивая сказка. Великий потоп. Венеция – Ноев ковчег. Ной – капитан. Я бы даже сказал – гениально, – хлопнул в ладоши несколько раз, подтверждая свои слова, солидный мужчина в темных очках. – Да только где же нам взять столько денег? По твоим задумкам, это тянет на «Титаник», не меньше. В отличие от твоей фантазии бюджет нашего фильма ограничен. Я хочу сделать романтическую историю, которую можно было бы ощутить на кончиках пальцев, понюхать и потрогать, которая своей простотой могла бы зацепить любого. Легкостью. Понимаешь? Чтобы не тонула.

– Понимаю, про любовь? – несколько расстроенным голосом молвил ассистент.

– Про Венецию, конечно, тоже, в первую очередь. В общем-то, любовь и Венеция – это синонимы в некотором роде. Ты согласен?

– В каком роде? – все еще не таяло его недовольство.

– В женском. Ведь что такое любовь? Любовь – это борьба независимых чувств за зависимость от кого-то. Давай займемся любовью, – улыбнулись темные очки.

– Ладно, как скажешь, – отпустило ассистента. И он рассмеялся.

– Отлично, без маски тебе гораздо лучше, – рассмеялся в ответ режиссер. – Как закончишь, позвони мне. Любовь не терпит отсрочек. И помни, что мне нужна страсть. Знаешь, что такое страсть? Страсть – это когда не ищешь стул, чтобы сложить одежду.

– Да понял, я, понял.

– Кстати, а про часы, которые надо просто остановить, это правда?

– Говорят. Проверим? Если тебе часы не жалко.

– Время жалко, часы – нет, – потер запястье режиссер. – Упс, опять часы дома оставил. Думаешь, это мое личное время? Нет, это мы ему принадлежим.

– Как говорится, счастливые часов не наблюдают.

– Они живут мгновениями. Вот добрались до истины. Вот что мне нужно, чтобы зрители вышли из кинотеатра счастливыми.

Если вам кажется, что надо что-то менять в этой жизни, то вам не кажется

Он зашел в темную проходную двора, задумчивый и рассеянный, когда неожиданно перед ним возникла фигура и объявила женским голосом:

– Деньги давай!

– Сколько? – спросил безразлично, заметив в руках девушки ствол.

– А давайте все.

– На! – вырвал он театрально, словно сердце, бумажник из-за пазухи.

– Что же вы так без сожаления сорите деньгами? – взяла незнакомка кошелек, вытащила купюры и, бросив ему в ноги опустевший кожаный чехол, зачем-то пересчитала деньги.

– Скучно, – поднял он портмоне и сунул его обратно к сердцу.

– Так вы, наверное, только с хорошими людьми общаетесь?

– Пожалуй, если не считать вас.

– Вот и мне скучно.

– Так вы, наверное, никого не любите?

– Даже не знаю, что ответить. Выровняло всю любовь, как катком, плоская она стала, что ли, – поежилась от холода девушка и втянула свою длинную шею в плечи.

– Замерзли совсем?

– Конечно, полчаса вас ждала в этом закоулке.

– Почему выбрали именно этот, здесь же довольно светло? Хотя могли бы шмальнуть по фонарю, чтобы запустить сюда мрак.

– Именно поэтому, – снова поежилась она.

– Чаю не хотите выпить? Я живу в этом дворе на седьмом этаже.

– Жаль, что не на седьмом небе...

– С вашей игрушкой это можно исправить.

– Вам не кажется странным, что жертва приглашает преступника на чай? – переступала стройными ножками на высоких каблучках девушка.

– Нельзя же вас отпускать в таком состоянии, вы ведь черт знает что можете натворить. К тому же у вас приятный голос.

– Спасибо, а с чем будет чай? – улыбнулась девушка и

убрала пистолет в сумочку.

– С клубничным вареньем.

– Откуда у вас оно?

– Разве я похож на человека, у которого не может быть клубничного варенья?

– Очень похожи. У скучных людей даже с сухарями туго.

– Почему?

– Потому что они предпочитают есть в одиночестве пирожные в кафе.

– Давайте поспорим!

– Давайте, только чем вы будете платить? Ведь денег у вас уже нет.

– Может, дадите в кредит?

– К сожалению, мой банк только что закрылся. Есть другие предложения?

– Павел, – протянул он руку.

– Руку мне действительно давно никто не предлагал. Фортуна, – сняла она перчатку и в ответ протянула свою ладонь. – Кстати, у меня есть свежий батон. Не смогла удержаться, проходя мимо булочной.

– Тогда сам Бог велел.

– Что велел?

– Даже если вы на краю отчаяния, стоит ли бежать от чая?

– А с чего вы взяли, что я на краю?

– Преступление всегда край. Ну, так мы идем или нет?

– Страшно.

– Чего вам бояться, у вас же пушка!

– Вдруг соблазните меня и изнасилуете.

– Хватит уже мечтать, – едко пошутил Павел. – Еще раз повторить про пушку? Вон мой подъезд, – указал на серую скалу из кирпича, которая поблескивала стекляшками неспящих окон. В небе спокойно дремала луна, прикрывшись темным одеялом случайного облака. Даже свежий весенний воздух не вдохновлял ее на подвиги.

– Старый дом, – двинулась она в сторону подъезда, не глядя на попутчика.

– Кто здесь только не жил.

– Что, все умерли? – робко пошутила Фортуна.

– Только великие.

– А вы хотели бы к таковым относиться? – двигалась она медленной легкой походкой чуть впереди него.

– Уже нет. Хочется жить, а не относиться.

– А вы что делаете?

– Снимаю.

В этот момент Фортуна остановилась и обернулась.

– Я про квартиру, – затянул неувязочку Павел.

– Так лучше.

Неожиданно навстречу им выбежала какая-то шавка и начала истошно материться.

– Черт, бегают тут всякие, – вздрогнула Фортуна.

– Не бойтесь, она не кусается, – отозвался из темноты голос. Хозяин не спеша перебирал ногами вслед за четвероно-

гим другом.

– Я тоже не кусаюсь, но зачем же об этом так орать?

– Она в наморднике, – не услышал ее слов владелец собаки.

– Лучше бы ей глушитель надели, – добавила еще тише Фортуна.

Дом был действительно пожилым и грузным, с лишним весом опыта и недомоганий. Шершавое мрачное лицо прошлого века, изъеденное окнами, лишний раз напоминало, что по ночам его мучила бессонница. А всякий раз, когда входили люди, он открывал рот, тяжело вздыхая и громко чмокая губами, провожал их в глубь себя, по широким бетонным лестницам, в свой внутренний мир, где теплилась жизнь. Он, как никто другой, знал, что жизнь – это цепь причин и следствий, которую надо постоянно смазывать любовью, чтобы не скрипела от обстоятельств. Гулкие шаги жильцов, как стук сердца, отдавались в его душе. Давление было ни к черту: то опускалось, то поднималось, как сейчас. Наконец лифт остановился на седьмом, и из него вышли мужчина и женщина.

* * *

– Вы всегда с собой на дело берете батон? – с интересом разглядывал Павел красивые руки своей неожиданной гостью, принимая из них хлеб.

Фортуна, гармонично встроенная в кухню Икеи, промолчала. Под ножом у Павла затрещал багет. Полетели крошки. Вместе с хрустом раздался запах свежего хлеба. Звук только усиливал аромат, будто хотел взять на себя его функцию. Павел смотрел на Фортуну, она на него. Они могли так бо- знает сколько времени: он не знал, что сказать, и она не знала, что слова уже не имеют значения. Губы ее улыбнулись и закусили бутерброд с колбасой, который успел приготовить Павел, потом они приняли фарфор и горячий чай.

– Так что вас толкнуло на дорогу разбоя? – достал он из шкафчика клубничное варенье.

– Как любая женщина я способна на глупости, но это не от недостатка ума, а от переизбытка чувств. Недавно я расчувствовалась так искренне, что чуть не впала в депрессию: оттого что жизнь, которая незаметно проходит, так коротка, а я многого еще не попробовала, что мир такой большой, но я много еще где не была, а свободы, оказывается, так мало, что я решила начать с преступления. Захотелось каким-то образом выбраться из каменного бытового мешка.

– Странный способ. Помогло?

– Как видите. Только не надо ехидничать. Не будь я настойчивей, так и просидели бы весь вечер в одиночестве. И не заметили бы меня, не заставь я вас обратить на себя внимание.

– Нет, женщин я всегда замечаю, но это не значит, что я подхожу к ним с просьбой вытряхнуть из меня кошелек. Хо-

тя если рассуждать фигурально, часто именно так и бывает, — посмотрел пристально в глаза Фортуне Павел. — Так зачем вам столько свободы?

— Накопилось капризов.

— Например?

— Я давно не была в кино, — с любопытством разглядывала кухню Фортуна.

— Снимем.

— Я давно не была на море.

— Слетаем.

— Я давно не была сама собой... Только сегодня... — добавила Фортуна после небольшой паузы.

— Кажется, теперь понимаю, почему я раньше вас не заметил. — Павел подошел к окну и занавесил темноту. — Так куда вы хотели бы выбраться?

— Туда, где валяются поцелуи, — выловила осторожно янтарную клубничину в сиропе Фортуна и спрятала за губами. — Обожаю клубнику.

— Я знаю такое место. Более того, я завтра туда лечу. Хотите тоже?

— Я же уже сказала. Там их много? — умыкнула она еще одну из вазочки.

— Чего?

— Поцелуев.

— Да, полно.

— С вами придется целоваться?

– Нет, боже упаси.

– Тогда я точно не поеду, – облизнула ложку Фортуна.

– Я хотел сказать, там можно найти губы и повкуснее: Италия – страна любви. Я больше не встречал земли, где так сильно любят женщин. Мне только нужны данные вашего паспорта, чтобы я заказал билет.

– А остальные данные вас не интересуют? – высасывала из клубники сок Фортуна.

– Вы будете жить в отдельном номере, – сделал вид, что не услышал, Павел.

– Я думала, что чудес не бывает.

– Но волшебники случаются.

– Вы хотели сказать – фокусники?

– Хорошо, пусть будут. Иллюзионисты.

– Спасибо, я уже живу с одним... сплошные иллюзии.

– Чувствую, сегодня нас ожидает вечер откровений, – подлил еще чаю Павел.

– Я могла бы быть откровенной, но вы же не пьете.

– Хотите?

– Нет, я пошутила, чаю достаточно.

– Так вы замужем?

– Да.

– Мужу будете звонить?

– Он с сыном на рыбалке. Разве я уже дала согласие?

– Разве нет? – нарезал Павел кружочками еще немного колбасы и засунул себе в рот самый неудачный.

– Что-то во дворе вы не были таким напористым и деньги мне сразу выложили.

– Мне показалось, что мы там были ближе.

– В смысле?

– Вы общались со мною на «ты». Кроме того, у меня есть один недостаток: я не дерусь с женщинами.

– Да уж, достоинством это точно не назовешь. А что вы с ними делаете?

– Летаю. Например, завтра в Венецию снимать кино. На три дня.

– И много их будет, женщин?

– Женщин в кино много не бывает, если только это не кинотеатр.

– Я не очень люблю кино, – продолжала разглядывать кухню Фортуна.

– Что так?

– Не зовут.

– Как же? Вы просто не слышите.

– Со слухом у меня все в порядке.

– Нет, вы не слышите, как я вас зову, – отхлебнул чаю Павел и замер, уставившись на Фортуну.

– Кино, Венеция... с вашими козырями никакой игры. Павел, может, вы все же сядете, а то неудобно разговаривать.

– Любите игры? – добавил кипятка в заварник Павел и сел напротив.

– Только сексуальные, в них нет проигравших.

- Игры я вам не обещаю, но поцелуи точно будут. Пейте, чай остывает.
- Главное, чтобы вы не остыли, вдруг я соглашусь.
- А вы остры на язык.
- Вы же мне нож не дали.
- С меня хватило и пистолета. А пушка у вас откуда?
- Дедовский, наградной. Хотите взглянуть?
- Не знаю, я к оружию равнодушен. Пробуйте клубнику, может, она вам скрасит этот вечер, – пододвинул он варенье к ней еще ближе. – Откуда такая страсть к оружию?
- От незащитности или от недостатка эмоций. Приходится выкручиваться. Зачастую именно чувство юмора позволяет покрыть недостаток всех остальных.
- Шутка была хорошая, если вы о грабеже, но мне почему-то было не смешно.
- Есть шутки замедленного действия. Потом как-нибудь она вас обязательно рассмешит. А у вас откуда такое равнодушие к оружию?
- По сравнению с вашими глазами это вообще не оружие, а кусок железа. Из всех мужских страстей, будь то оружие или машины, я предпочитаю женщин.
- И как вы их предпочитаете? – обменяла свою улыбку на комплимент Павла Фортуна.
- С клубничным вареньем, – достал из вазочки большую ягоду Павел и проглотил.
- Я давно уже не знакомясь с мужчинами.

- Не было времени?
- Скорее необходимости при живом-то муже.
- Вы его тоже убили?
- Нет еще, а почему тоже? – понесла ложку с вареньем ко рту Фортуна. Но одна тягучая капля медленно шмякнулась на скатерть.
- Ведь и меня вы могли прикончить.
- Вас нет. Смерть еще нужно заслужить, – стерла она пальцем сладкую слезу со скатерти и стала ее рассматривать.
- А он заслужил? – протянул ей Павел салфетку.
- Пожалуй.
- Чем?
- Не оправдал моих надежд.
- Каких надежд?
- Я хотела бы домик у моря с видом на настоящего мужчину.
- По-моему, вы только так говорите, на самом деле никуда вы не хотите, – напомнил ей Павел о своем предложении.
- Хочу. Хочу, чтобы вы мне рассказали, о чем будет фильм.

* * *

– Ты меня любишь?

– Еще бы.

– Не успеем, давай вечером, опаздываю на работу. – Она поцеловала губы, которые продолжали спать на моем лице, и стремительно выплыла из постели. Я приоткрыл глаза, но поздно. Взгляд мой остался без завтрака. Изящной фигуры Лучаны уже не было. О чем думает мужчина, когда остается без женщины? С одной стороны – облегчение. Но с другой... Другой нет. Да и нужна ли она, другая. Даже если с ней фантазия нарисует прекрасное будущее. Она ничем не будет отличаться от предыдущей: потеря времени, денег, достоинства. Необходимо научиться любить ту, что рядом. Мне повезло – я любил, и даже учиться мне не пришлось. Однако всякий раз, когда она уходила, меня не покидала навязчивая мысль: а если она уйдет навсегда?

– Ты вставать собираешься? – вошла она снова в мою жизнь.

– Нет. Хочу проваляться в постели до следующей субботы. Ты со мной?

– Я бы с радостью, но работа. Не жалко тебе жизнь на сон тратить?

– Нет, жалко тратить на пустую работу.

– Кофе будешь или еще поспишь?

– Да какой сон без тебя.

– Сладкий.

– Тогда мне кофе без сахара.

– Что у тебя на сегодня? – спросила Лучана, поправляя волосы.

– Море любви. Поедешь со мной? – лежал я в постели, наблюдая за движениями своей женщины.

– Я же говорю, что на работу опаздываю.

– И с кем мне тогда там купаться?

– С добрым утром.

– Много ли в нем добра? Когда я не выплусь, «доброе утро» звучит для меня как ругательство.

– Ты только представь: утро приходит. А тебя еще нет. Оно долго сидит в одиночестве, ждет. Открывает окно, как буфет. Достает солнечный мед. Заваривает чай. Ест и пьет, наблюдая фарфоровый хоровод облаков. Поглядывает на часы, молча думает. Тебя все еще нет. Наконец, не дождавшись, уходит, оставляя записку коротенькую на столе:

«Буду завтра. Чай еще свеж. И хватит сопеть, поднимайся, иначе скоро наступит день и придавит заботами. Твое доброе утро».

– Сто лет уже не получал записок. Красиво, но как-то реальности маловато. Твое утро не умеет материться.

– А должно?

В этот момент, подтверждая мою правду, завизжал будильник в телефоне.

– А как же. Человек нуждается в жестоком обращении,

иначе не дойдет... до работы, — дотянулся я до телефона, обнаружил там время и отключил его. «Подумать только, его можно отключить одним пальцем», — осенило меня.

— Все, что тебе нужно, написано на моем лице. Читай внимательней. Ты дома будешь сегодня? — цокала каблучками Лучана.

— Да, надеюсь прикончить вторую часть книги.

— Я еще и первой не видела. Когда ты мне дашь уже потрепать свой роман?

— Тебе что — в жизни их не хватило?

— Нет, представь себе, не хватило. Как себя помню, читаю одну и ту же книгу: увесистый том, величественный талмуд, ходячую энциклопедию, священную Библию.

— Черт, после таких сравнений я начинаю себя любить, несмотря на утро. Иди ко мне, я тебя почитаю, вслух, — хотел ухватиться я за подол ее платья, но поймал только его тень.

— Кто-то же должен работать, — собралась выходить из комнаты Лучана.

— Хорошо, что у меня нет долгов.

— А как же твои читатели?

— Я же с ними не живу.

— Зато они с тобой периодически.

— Что-то я не почувствовал.

— Вот! И я замечаю, что ты становишься бесчувственным.

— Это точно, когда я вижу тебя, нюхаю, трогаю, слышу, пробую, я все время думаю: зачем мне эти пять чувств, не

будь шестого.

– Ну как мне после такого работать? – отпустила она ручку двери и подошла к кровати, где я тут же скомкал ее в свои объятия.

– Повышенная влажность белья?

– Откуда в твоей лохматой башке столько женщины? – начала она ласково шерстить мои волосы.

– От тебя.

– Или от тех, с которыми ты спал.

– Мне подумать страшно, с кем только я не спал.

Лучана глянула на меня неодобрительно. Как всякий голый мужчина, я начал оправдываться:

– Ты сама только что так сказала. А представь, со сколькими переспал Шекспир или Толстой? Спать с книгой считается изменой?

– А как же. Так что дописывай, чтобы я тебе не изменяла с другими. Все, мое время вышло, а я еще нет, – выскользнула она из мужских сонных объятий и поспешила в коридор к зеркалу, которому обязательно должна была понравиться, чтобы выйти из дома с подходящей маской.

– История любви? – поинтересовалась Фортуна.

– Мужчина и женщина. О чем еще можно снимать в Италии.

– А как они познакомились?

«Будучи женщиной самодостаточной, я легко могла при-

влечь, соблазнить, влюбить, но влюбиться... Как это было неосмотрительно с моей стороны, как опрометчиво, как безумно, как сногшибательно...» – пыталась она причесать эту непослушную мысль, нежась в утренних лучах мужских поцелуев.

– Никогда не спала с первым встречным, сказала она мне, лежа на кровати и наблюдая, как я натягивал джинсы.

– Ну и как? – застегнул ширинку.

– Что-то в этом есть.

– В этом – это во мне? – накинул рубашку на свое мускулистое тело.

– И в тебе тоже.

– На самом деле, это я был в тебе, – посмотрел на нее с улыбкой.

– Ну, и что там?

– Честно тебе сказать или соврать? – нашел под кроватью свои сандалии.

– Лучше соври, мне еще целый день работать сегодня.

– Хорошо. Там было необычно, – снова сел на кровать, которая еще не остыла от ночи, и обул одну ногу.

– Что значит необычно?

– Хочется повторить, – влез ногой во вторую.

– Спасибо! Из тебя вышел бы отличный любовник.

– К счастью, из меня могу выйти только я, и то не самостоятельно, а когда выведут. Забыл, где у тебя выход. Ты не помнишь, как я к тебе вошел?

– Через сердце, – стянула она с плеча простыню и оголила в знак доказательства левую грудь. – Выход там, – указала мне рукой на проем в стене.

– Никак не могу привыкнуть к твоему окну. Ну пока, – поцеловал я ее на прощание в сосок. – И извини, что вошел так бесцеремонно.

– К черту извинения, продолжай, ничего такого раньше не чувствовала.

– Я тоже.

– Позвони мне, если это желание у тебя не пройдет, – снова укутала она простыней открытые части своей суши.

«Все проходит, кроме меня самого», – подумал я и вышел в окно. Сделал по асфальту несколько шагов, оглянулся на древний дом. Тот уже просел и пустил корни, а посему первый этаж стал вровень с тротуаром. Достал из кармана сигареты, положил одну из них в рот. Прикурил и затянулся. Вроде бы выходишь в окно, а жизнь продолжается. И ничто ее не в силах остановить, кроме случайных знакомств.

* * *

– А как вы туда попали? – гладила чашку Фортуна, будто та должна была ей ответить.

– В Италию? – уточнил Павел.

– Ну да, в кино.

– Как и все, случайно.

Во всем виноват кофе. Я летел в отпуск в Болгарию. Обычный рейс, обычная стюардесса налила обычный кофе и передала мне. И вот когда кофе был у меня почти в кармане, сосед мой неожиданно решил поменять позу, да так, что кофе действительно оказался в моем кармане.

Мужчина, как мне показалось, не сразу понял, в чем дело. Глаза его были наглухо зашторены темными очками. Тихо сказал:

– Извините.

– Вы что – не видите? – оторвал я мокрую ткань своих брюк от ноги, чтобы не было так горячо.

– Я – нет, – ответил он мне в тот момент, когда стюардесса уже стирала салфеткой пятно с моих штанов. Потом повторила маневр с кофе, снова наполнив мне пластмассу. На

этот раз все прошло удачно. Я поблагодарил ее, она очаровательно удалилась обслуживать других пассажиров, оставив мне улыбку в качестве компенсации за нанесенный ущерб. Еще несколько секунд покатала мой взгляд на качелях своих впечатляющих ягодиц, пока те не растворились в проходе самолета. Приятная женщина. Злость мою сняло как рукой. Ее рукой.

– А что случилось? – произнес как ни в чем не бывало сосед сквозь очки.

– Штаны до сих пор дымятся.

– Что, стюардесса понравилась? Надо держаться.

– Поздно, уже пятно, – мне самому тоже стало смешно.

– На что похоже? – спросил он.

– Напоминает профиль моей бывшей жены. Пожалуй, так и оставлю.

– Ну что же, кофе здесь неплохой. Хорошо пахнет, – сделал он глоток из своего стаканчика. – Да и место для жены подходящее.

– Век готов с пятнами ходить, если такая женщина будет так усердно гладить мои ноги.

Я снова поймал полуулыбку стюардессы, которая уже не слышала нас и разливала кофе пассажирам, сидящим впереди.

– Вы уж не держите на меня зла, – продолжал сосед.

– Уже отпустил, нам же еще как-то надо жить вместе... эти два часа.

Он улыбнулся:

– А как выглядела ваша жена?

– Вы что, не знаете, как они выглядят? Правильные черты лица, нос с горбинкой. Яркие карие, словно гречка, искрящиеся глаза, волосы шелковые теплые густые, будто сумерки летом, растеклись по плечам блестящей на закате рекой. Худые ключицы, которые навечно врезались мне в память. Бесконечные тонкие сильные руки, два солнца трепетной груди, выдающиеся бедра и тонкие лодыжки.

– Чувствую, сохнете по ней до сих пор. Разлюбить не пробоvalи?

– Легко вам говорить, вы сами попробуйте.

– Если бы я такую попробовал, у меня бы тоже не получилось.

* * *

– Кто бы меня так полюбил? – неожиданно прервала рассказ Павла Фортуна.

– Нет, неправильная постановка вопроса: кого бы я так полюбила... – улыбнулся Павел и продолжил свой рассказ.

* * *

– Где же она? Почему не летит сейчас с нами? Я знаю,

вы не хотели наскучить красоте, для этого ушли первым, – поправил очки попутчик.

– Нет, первой ушла она. Она погибла. Парашют не раскрылся.

– Извините.

– Да ничего, я уже пережил.

– Вы так славно вырезали портрет своей жены, а я как выгляжу, по-вашему? – постарался избежать минуты молчания мужчина.

– Вы правду хотите услышать?

– Валяйте, чего уж там. Тем более кофе я уже допил.

– Как очковая кобра, которая неожиданно ужалила меня, защищая свое пространство.

Он громко засмеялся.

– А еще у меня почему-то возник образ железного человека. В вашем голосе столько металла, пронизывает до самых пяток.

– В волосах гораздо больше, – улыбнулся сосед и потрепал свои седые волосы.

Видно было, что ему нравилось, когда говорили о нем. Люди всегда делились на тех, кто любил послушать о себе, и на тех, кто – поговорить о других.

– В общем, мудрая говорящая кобра с металлом в голосе.

– Похоже, и в характере его залежи, – сделал я последний глоток и заткнул пластик в сеточку впереди стоящего кресла.

– У каждого есть риск заржаветь: достаточно попасть во

влажную теплую негу.

– Вот откуда такое чудовищное обаяние. Видимо, вы хорошо разбираетесь в человеческих отношениях.

– Скорее, в нечеловеческих, – поправил он и протянул руку: – Роберто.

– Павел, – пожал ее.

– Очень приятно.

– А почему нечеловеческих?

– Потому что фильмами о человеческих денег много не заработаешь. Я – режиссер. Лечу на съемки со своей командой.

– Понятно! А где команда? – всматривался Павел в ряды кресел, пытаясь обнаружить остальных.

– В бизнес-классе.

– А вы почему здесь?

– Люблю пообщаться с нормальными людьми, на обычном языке. Правда, не всегда так везет с соседями, как сегодня.

– Вы всегда так начинаете знакомство? – посмотрел Павел на свои брюки, которые уже почти высохли.

– Нет, здесь обошлось без сценария, еще раз извиняюсь. А вы, наверное, художник?

– Нет, шахтер.

– Изящно пишете портреты.

– Точнее, был шахтером, уволился, решил съездить в отпуск на море.

– Как там, под землей?

– Жить можно.

– Значит, не обманывают про жизнь после смерти.

– Не, не врут. Там в темноте полно людей с фонариками на головах, которые с такой страстью ищут свое счастье, будто на поверхности оно уже закончилось.

– Темнота – это прекрасно. Что там еще есть кроме полезных ископаемых?

– Крыс много, приходится еду подвешивать над головой, чтобы не остаться без обеда.

– Крысссы... – задумчиво вытянул длинный хвост из этого слова Роберто. – Главное, чтобы среди людей их не было.

– Нет, в этой дружной семье дерьмо не приживается. А с крысами спокойнее, они первые бегут, случись что – чувт.

– Всегда завидовал людям, которые в нескольких словах могут нарисовать портрет или пейзаж.

– Влияние книг: все детство просидел с матерью в библиотеке, она там работала, я читал, – посмотрел Павел в иллюминатор и заметил вдали белый самолетик, будто бумажный.

Он тоже расправил острые крылья, так же ветер гулял в голове, подгоняя его непрерывный полет. На мгновение Павлу показалось, что он даже смог разгадать буквы названия авиакомпании. Получалось его имя. Сложенный неплохо физически, из чистого, как новая жизнь, листа, он переливался на солнце, словно рыба в воздушном океане. Видно было, что самолет гражданский, и тоже перевозил пассажиров, но любил пассажирок. Достаточно легкомысленный, чтобы взять

его на вооружение.

– Мне такого художника в команде очень не хватает. Вы же безработный теперь?

– Выходит, что так.

– Не хотите помочь мне делать кино? Поверьте, это безумно интересно, – сказал он с такой страстью, будто признавался в любви, ожидая положительного ответа.

– А что нужно делать?

– Ничего особенного, любить кино так, как вы любили свою жену. Вы везунчик, не всем посчастливилось так чувствовать, как вам.

– Полюбить всегда было трудной задачей.

– Если не получилось с первого взгляда, – потер Роберто глаза под очками.

– Еще труднее оставлять, когда все получилось.

– Очень точно, – выразил свои соболезнования Павлу режиссер. – Я считаю, что в первом взгляде все и решается, но в моем случае это не работает. Однажды ко мне в кафе подсадела девушка, мы провели немного времени втроем: я, она и молчание. Пока она неожиданно не спросила: «Вы верите в любовь с первого взгляда?»

* * *

– Вопрос для незнакомой девушки действительно необычный, – разорвала цепь воспоминаний Фортуна.

– Да дело не в вопросе, а в том, что он незрячий. В смысле режиссер. Ослеп прямо на площадке, много лет назад, когда лопнула одна из ламп во время съемок.

– Слепой режиссер? Как же он снимает?

– Еще лучше. И это не мои слова. Обычно он отшучивается, дескать, Бог увидел, что искусство кино ему дается легко, и сказал: «Я знаю, ты можешь лучше».

– Мне все же трудно представить. Ведь режиссер должен все видеть сам: кого пригласить на роль, какой кадр лучше, какой убрать, какую сцену надо повторить?

– Не волнуйтесь, вокруг него сплоченная команда, которая с ним уже давно и хорошо знает, каким должен быть фильм Роберто. Актеры, отработавшие с ним не один фильм, отлично понимали, что от них требуется на съемочной площадке. Возможно, именно это несчастье и то обстоятельство, что ему просто пришлось им слепо довериться, дало остальным больше свободы творчества, возможность добавить в его фильмы что-то свое.

– Интересно, как он ответил той девушке?

– Что больше доверяет не глазам, а сердцу. Впоследствии она стала его женой.

– Каждая женщина мечтает жить в чьем-то сердце. Но, видимо, большое сердце было не единственным его достоинством.

– Конечно, нет. Вторая любимая его история про Вьетнам, точнее сказать – про одно вьетнамское блюдо «Куни линь

гу».

– Звучит эротично.

– Вам муж, наверное, готовил такое, – наполнил свою и ее чашку чаем Павел.

– Щас! Если вы об этом.

* * *

– А ваш рассказ похож на историю про Золушку.

– Вы про чудесное превращение из шахтера в киношника?

– Я про то, что у нее, как и у вас, работа была пыльная. А чем вы там конкретно заняты?

– Моя задача – выбрать место, время дня, погоду. Определить композицию, наметить пейзаж, подходящие для той или иной сцены. Также в обязанности входит договориться с префектурой города, будь съемочной площадкой улица или площадь, с хозяином заведения, если это кафе.

– А как же сами съемки? Это должно быть интересно.

– Никогда я не ходил на работу с такой радостью. А что касается съемок, вы их скоро увидите. Мне нужны ваши данные.

– Вот вы занудный.

– Настойчивый.

– Назойливый.

– Настырный.

Фортуна не нашла чем отбиться и достала из сумочки по-

следним козырем свой паспорт.

– Вы можете его пока просто забронировать, я еще подумую. – Протянула Павлу. Тот выдал из телефона номер и прижал трубку к уху.

Пока он разговаривал, она разглядывала кухню, размышляя, что бы она поменяла здесь и как расставила мебель. В итоге пришла к тому, что настоящее расположение предметов идеальное. Сама кухня не представляла ничего особенного: шкафы, стол, стулья, плита. Только часы с кукушкой как-то выбивались из этого евроминимализма. Фортуна посчитала тарелки и чашки, которые сушились в шкафу для посуды, потом съела еще две клубнички и, взяв в руки какой-то гляцевый журнал, лежавший на подоконнике, начала перебирать страницы. До нее долетали только отдельные фразы разговора:

– ...да, удобно, Маша... спасибо, что помните... нет, ненадолго... билет до Римини... конечно... целую.

– Вы всех целуете на прощание или только по телефону?

– Вы что – ревнуете?

– А что – я не женщина? – заулыбалась Фортуна, все еще глядя в журнал.

– Женщина, конечно, но не до такой же степени.

– Не до какой?

– Чтобы ревновать незнакомого мужчину.

– Что бы вы понимали в незнакомцах. Встречи с ними всегда сулят приключения. Если не считать темных подворотен.

– Это вы обо мне?

– Не надо на себе так заикливаться, – глядя в журнал, посоветовала Фортуна, – вот послушайте: объявление: ИЩУ БОЛЬШУЮ ЛЮБОВЬ, ВЛЮБЛЕННОСТЬ С ИНТИМОМ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ, – процитировала она.

Павел широко улыбнулся:

– Вам предлагали когда-нибудь?

– Может, и предлагали, только я не услышала, потому что замужем.

– Значит, никакого случайного секса?

– Да какой там секс. Муж – вот мой случайный секс. И чем дальше, тем случайнее.

– А хотелось?

– Чем больше хочется изменить, тем сильнее понимаю, что верность – это мой крест. Для каждой верной женщины брак – это своего рода крестовый поход по ее желаниям. Хотя однажды была случайная встреча, в лифте застряла с мужчиной. Я ехала к маме, он – к своей на шестой со свечами, шампанским и прочей романтикой.

– Как же муж?

– Волновался, конечно, – усмехнулась Фортуна: – «Где ты застряла? Я голодный прождал тебя вечер». – «В лифте». – «У нас в лифтах что – теперь цветы выдают? Или ты была не одна?» – «Ты же знаешь, одиночество меня тяготит». – «Ну так с кем?» – «С мужчиной». – «Что между вами было?» – «Только эти цветы». Это мужчина мне цветы те подарил, хо-

тела их у мамы оставить, да у нее аллергия на лилии. Я и не знала, что в лифтах может быть так чудесно.

– Чем же вы там занимались тогда?

– Говорили.

– Говорили?

– Мужские стереотипы. Муж мой тоже удивился: «О чем?» – «Говорили о вечном. Представляешь, со мной тоже можно об этом». – «Как ты чувствовала себя ночью в лифте с незнакомым мужчиной?»

– Я даже знаю, что вы ему ответили, – прервал ее рассказ Павел.

– Слушаю, – глотнула чаю Фортуна.

– Вы ему сказали примерно так: наконец-то я почувствовала себя женщиной. Женские стереотипы.

– А вы злопамятный.

– Это от сладкого, – улыбнулся Павел и отодвинул от себя варенье в пользу Фортуны. – А этот эпизод в лифте можно было бы назвать влюбленностью?

– Можно назвать чем угодно, но ведь важно почувствовать. Вот вы можете мне сказать, что такое влюбленность?

Павел задумчиво начал передвигать ложкой чайники в чашке, будто хотел составить из них предложение и отчитаться на поставленный вопрос в письменном виде:

– Представьте себе океан, красивый, манящий, сверкающий. Ты хочешь в нем искупаться, но волны немного пугают. Заходишь не спеша по колено и гладишь ладонями, хочешь

ему понравиться. Вдохновляешься брызгами смеха, волшебными рыбками впадин и выступов, они привлекают внимание, наконец ныряешь, плаваешь долго, часами, счастливый улыбаешься солнцу.

– Сразу захотелось в этот океан окунуться. Извините. Продолжайте.

– В общем-то, это все.

– А как же монетки?

– Да, потом бросаешь монетки, чтобы скоро снова вернуться, но отпуск, каким бы он ни был чудесным, заканчивается. Влюбленность потопчется и проходит. Но ты не переживаешь. Океанов так много, в которые тоже хотелось бы окунуться. Только немного грусти в твоей прощальной улыбке, – наконец оставил Павел ложку в покое, положив ее на стол.

– А если в другие уже не хочется? Если все время возвращаешься мысленно к этому?

– Тогда можно назвать это любовью, но это уже совсем другое приключение. Теперь я понимаю, что вы искали этой ночью.

– Для одинокого волка вы неплохо разбираетесь в женщинах.

– С чего вы взяли, что я одинок?

– Быт бросается в глаза, – снова отвлеклась на журнал Фортуна, пока Павел повторно ставил чайник на огонь. – А вы кто по знаку зодиака? – закрыла она его.

– Стрелец.

– Метко стреляете?

– Не целясь. А вы, наверное, Дева.

– Прямо в яблочко. Разбираетесь в звездах?

– Да, бывает, лягу теплой ночью на траву и давай разбирать это безнадежное предприятие. Понять космос – все равно что пытаться понять женщину.

– Хотите понять женщину – сначала удовлетворите. Только в одном случае женщина не потребует от вас понимания – если вы будете ее удовлетворять.

– С женщиной это не проходит, она никогда не сможет быть удовлетворена полностью.

– Мужчина не может, потому что ему нужны все женщины, а женщина очень даже, так как ей нужен один, но свой, – резко возразила Фортуна. – Ей достаточно найти своего мужчину. Она же для этого родилась. Для своего мужчины.

– Своего найти всегда было сложной задачей. Те, что торопятся, уповают на случай и готовы войти в одну постель с первого поцелуя. Те, что не хотят рисковать честью и достоинством, прежде чем достичь оргазма, проводят своих избранных сквозь долгий процесс цветочных ожиданий, кофейных встреч, эсэмэсок с придыханием, знакомств со своими близкими и друзьями, которые должны благословить их на секс с перспективой. Существуют и третьи, те, что находят удовольствия в виртуальных отношениях. Их, пожалуй, больше всего. Они легко заводят новые романы, постоянно

изменяют и запросто расстаются, рассуждая о прошлом и о будущем, так и не найдя своего в настоящем.

– Для женщины в этих поисках важно не разлюбить саму себя.

– Вы про внешность?

– И про тело, и про душу.

– А вы самолюбивы, – снова посмотрел Павел на идеальный маникюр Фортуны, будто хотел подлакировать его взглядом.

– Должна же я хоть кого-то любить.

– Да уж, никто никогда вас не полюбит так, как способны вы сами. Главное, не зафанатеть.

– Выходить проветриваться время от времени наедине со своими мыслями. Именно выгуливать их, а не выводить за продуктами к близлежащему магазину. А как вас занесло в шахту? Вы не похожи на шахтера.

– Половина жителей моего родного города работает на шахтах, но вообще все получилось назло родителям. Они почему-то решили, что я должен идти по следам отца и стать медиком. Но медицина меня не вдохновляла. Я хотел быть летчиком. В конце концов, мы основательно разругались. Отец заявил, что с таким здоровьем, как у меня, не возьмут ни в летчики, ни в шахтеры. В летчики медкомиссию я действительно не прошел. Но сдаваться не хотелось, стал шахтером. А вы, наверное, учительница?

– Еще один точный выстрел. Но как?

– Просто, мне везло на учительниц. Моя жена была учительницей русского и литературы.

– Промах... я – музыки.

– Вот откуда такие изящные руки.

– Да, вышколены пианино.

– Что из музыки предпочитаете?

– Обожаю оперу.

– Значит, знаете итальянский?

– Более-менее.

– Тогда вам легко будет в Италии. А какой ваш любимый композитор? – сделал Павел из полотенца воображаемую гитару и попытался взять высокую ноту, задрав одну руку вверх и скорчив страдание на лице, копируя исполнителей на концертах.

– Тишина.

– Поставить? – быстро сложил он в футляр свой инструмент, повесив полотенце обратно на спинку стула.

– Нет, лучше поговорим. Мне это необходимо сегодня.

– Вижу, вы своего всегда добиваетесь, пусть даже вооруженным путем.

– Да хватит вам уже, лучше подлейте варенья.

– То есть еще раз повторить про руки? Я вижу, вам много не надо.

– Да, двух достаточно. Вы всегда довольствуетесь руками?

– Я всегда обращаю на них внимание.

– А как же ножки? – указала своей на ножку стола Фор-

туна.

– Те, напротив, его требуют.

– А ваши учительницы были требовательны?

– Как во всех женщинах, в них капризов не меньше, а может, и больше. Учителя ведь любят отличников.

– Не только учителя. Все любят внимание и внимательных. Чему же они вас научили?

– Ждать.

– Ждете?

– Нет. Видимо, я плохой ученик.

– Это же должно быть приятно – ждать женщин?

– В общем или конкретную?

– Любимую.

– Наверное, не приятнее, чем ждать любимого.

– Но точно вреднее, потому что ожидание женщин старит. А ждать им приходится постоянно. Одним – чтобы он взял замуж, другим – чтобы он сначала развелся.

– Старость понятие относительное.

– Относительно зеркала. Я часто смотрюсь в него, до тех пор пока не найду то, что мне нужно.

* * *

– Есть что-нибудь перекусить? – снимал я туфли в прихожей, вернувшись домой.

– Только поцелуи, – повисла на мне Лучана.

– Какие вкусные! Сама готовила?

– Для тебя старалась. Откуда у тебя такая страсть к поцелуям?

– От голода. Смотри, что я тебе принес.

– Ой, рыбки. Как я хотела, золотые. Две?

– Да.

– Это мы?

– Нет, их одними поцелуями не накормишь.

– А желания исполняют?

– Те стоят дороже.

– Еще и аквариум... – увидела у меня в руках стеклянный прозрачный глобус Лучана.

– Да, они будут бороздить океаны. И камни, и корм, и термометр для воды.

– А это что, растения?

– Цветы тебе.

– Спасибо! – впилась она в меня.

– Надо будет посадить их на дне. Налей куда-нибудь воды.

Она должна отстояться.

– Большая кастрюля подойдет? – кричала мне уже из кухни Лучана.

– Да, вполне.

– Кстати, почему ты ходишь в квартире голая?

– По твоим инстинктам. Теперь ты понимаешь, что нас сближает?

– То, что мы никогда не будем так нужны другим.

– Коварный, знаешь, как женщине угодить, где рукой провести, где словом, где рыбками озолотить.

– Что же в этом коварного?

– А то, что многим этого недостает... Ты долго будешь меня любить? – наблюдала она за рыбками в баночке, которые теснились за стеклом.

– Не знаю, пока не накормишь.

– Что значит «не знаю»?

– Я не знаю, что такое любить.

– Не прибедняйся, тебе ли не знать, – проводила она меня на кухню, где уже был накрыт ужин.

В зеленых лугах салата пылала страстью баранина. Я сел над ней и стал вдыхать аромат.

– Что же ты не ешь?

– Нечем.

– Извини, я тебе вилку не дала.

– Ничего, ты можешь покормить меня с рук.

– Боюсь, – оторвала она кусок от листа салата и сунула мне в губы.

– Чего? – проглотил я зелень.

- Вдруг ты привыкнешь и станешь совсем ручным, – протянула мне вилку и нож.
- Не стану, поэты дрессировке не поддаются.
- А как же музы. Уж они-то способны. Тебе никогда не приходило в голову, что я красива? – оторвалась она от рыбок и посмотрела на меня.
- Приходило, но не в голову.
- Просто смотрю иногда на себя в зеркало и не узнаю. Знаешь, как я боюсь?
- Чего?
- Стать взрослой женщиной. Мне все время кажется, что прошла не одна бессонная ночь, а тридцать лет. Потом думаю, зачем смотрела, добрые люди и так расскажут.
- Женщины все такие чувствительные? скользнул я рукой

от шеи по груди к ее соску.

– А ты как думал? Прикасаясь к моей коже, ты трогаешь душу. У меня мурашки.

– Это чувства пошли на работу.

– Знаешь, что меня больше всего пугает?

– Что в какой-нибудь замечательный день ты забудешь меня поцеловать, и я умру от нехватки тебя.

– Не говори глупости!

– Тогда обещай, что и ты не совершишь их.

* * *

– В таком случае вы знаете, в чем секрет вашей красоты? – Павел подлил клубничного варенья в беседу.

– Я стараюсь понравиться только одному человеку, – ответила Фортуна.

– Получается?

– Довольно сносно. Ко всему можно привыкнуть, но когда привыкают к твоей красоте, твоей молодости, твоей страсти, начинаешь чувствовать себя стиральной машиной, духовкой, пылесосом. Одним словом, предметом быта, главная функция которого – поддерживать порядок. Становится безнадежно тоскливо, что жизнь уходит, потому что ей с тобою не интересно. Поэтому, как всякая молодая особа, я люблю приключения.

– Любовные?

– Куда уж там! К сожалению, то, что в обычной жизни выглядит безобидным развлечением с парой-тройкой поцелуев, в семейной приобретает масштабы самого страшного преступления.

После этих слов кукушка вылетела из своего убежища и сообщила, что уже полночь.

– Я еще в самом начале хотела спросить, откуда у вас такая прелесть?

– Всегда хотелось завести домашнее животное, но ввиду частых поездок по работе остановился на этой птице. Выгуливать не надо, служит верой и правдой.

– А чем вы ее кормите?

– Временем.

– Своим?

– Да. Сегодня вот она вашим поужинала.

– Удобно. Ей там не душно, в этом скворечнике?

В ответ Павел открыл балкон. Вечерний ветер начал трепаться с занавеской о чем-то своем. Та, обольщенная таким вниманием, отвечала ему взаимностью, смущаясь и кокетничая, пытаясь всячески выразить одну только фразу: «Я не такая». Всякий раз, когда невидимые сильные руки ветра порывисто подхватывали ее стройное тонкое тело, она вырывалась со словами: «Ну что вы себе позволяете?» Каждый из них понимал, что надо решаться, потому что неизвестно, когда еще они смогут так же свободно, непринужденно милиться. Окно может закрыться в любой момент, и тогда

жизнь разлучит их, сделает далекими, и они не смогут общаться так искренне, сожалея об упущенных возможностях, поглядывая друг на друга холодным стеклянным взглядом.

– Спасибо, так лучше. Словно прохладный бриз с моря, – вдохнула свежего воздуха Фортуна.

– Но это еще не Венеция. Вы там бывали?

– Нет, но часто очень хотелось сесть в эту лодку.

– Почему лодку?

– Венеция всегда представлялась мне гондолой, которая покачивается на волнах любви и спокойствия. И купол ее собора, словно фигура гондольера в белой рубашке, одиноко возвышается над миром и спокойно ведет свой кораблик, постоянно принимая туристов на борт, угощая их достопримечательностями, потом высаживая, чтобы пригласить новых. Он течет по реке времени вместе с ним и поэтому не ощущает его. Лишь изредка, когда боли в спине тревожат его, напоминают ему, что он уже не мальчик, что в скором времени с ним станет неинтересно... Мне тоже его постоянно не хватает, – посмотрела на настенные часы Фортуна.

– Нехватка времени лишний раз напоминает о том, что вы занимаетесь не тем или не с теми.

– Пора заканчивать чаепитие.

– Разве сейчас вам его не хватает?

Фортуна вдруг ясно осознала, как ей здесь хорошо в знакомой по мечтам атмосфере с незнакомым человеком, что торопиться ей некуда, дома никто не ждет. Будто она пере-

секла финишную прямую долгого марафона, изможденная, но удовлетворенная, получив вместо приза путевку в Венецию.

– Я бы сказала – переизбыток, – посмотрела Фортуна на закрытую калитку часов, за которыми сидела прожорливая кукушка. – А у вас как со временем? – оторвалась она от своих раздумий.

– Я пока этого не чувствую, хотя у меня и нет какого-то определенного режима: ложусь поздно, встаю рано.

– Время, как любимый человек, которого постоянно не хватает. Вот вы тоже живете до сих пор один, хотя сказали, что ваша трагедия уже в прошлом. Почему?

– Поверьте, это лучше, чем умирать вдвоем. После жены у меня были еще романы. Любовь – прекрасная страна, в которую очень хотелось эмигрировать навсегда, а мне даже визы было не получить.

– Неужели все так фатально?

– Иногда люди встречаются, но жить вместе не могут, им это противопоказано. Жизнь совместная превращается в пытку. Сначала они вместе испытывают оргазм, потом уже он начинает их испытывать на прочность.

– А первую встречу вы помните?

– У вас просто мания на истории знакомства?

– Меня всегда интересовало, как люди встречаются.

– Люди стекаются в большой город, каждый из них как одно маленькое обстоятельство. Вот и получается не жизнь,

а стечение обстоятельств. Они замечают друг друга, знакомятся, начинают встречаться, любить друг друга, иметь друг друга. Потом появляются другие обстоятельства, которые навязывают свои условия.

– Если вам мешают обстоятельства, значит, вы с ними заодно. Наверное, вы из тех, кто ищет идеальную?

– Женщина не может быть идеальной, потому что всегда все испортит какой-нибудь мужик.

– Я панически боялась нарваться на какого-нибудь сердцеда, в итоге попала на эгоиста.

– Вы про меня?

– Нет, про мужа, а на сердцеда вы не похожи. Ну, так как же вы все-таки познакомились?

– Что-то было в ней необычное, особенное, что ли. Мы познакомились очень странно, помню, она сказала: «Вы мне не нравитесь». Я уколол: «Вы мне тоже». Она мне: «Вы не умеете целоваться». Я ей: «Просто ваши чувства ко мне ничтожны...» – Павел достал сигареты и пепельницу.

– Кстати, вы курите? – отвлекся он от рассказа.

– После, не останавливайтесь.

– Потом она попросила меня выключить свет, мы обменялись кожами и душами, и поняли: без них невозможно. Вот такая вот история. Я до этого думал о себе, что я не из тех придурков, которые могут любить, не обладая, что я железный. Куда там! Стоило только ей прикоснуться, оказалось, что шёлковый.

– Да уж, чем дальше в секс, тем больше снов. Трогательный рассказ, я тоже, пожалуй, покурю после вашего секса, но лучше на балконе.

Она неумело взяла сигарету из пачки:

– В моем случае независимость каждого из нас не позволила вырастить взаимную нежность, – долго ее теребила, потом воткнула в губы.

Они встали как по команде и вышли на балкон.

В ночном небе тихо коптилась луна, как лампада, над кроватью ночи, которая неизлечимо страдала звездной болезнью. Внизу, в темноте двора, одинокий автомобиль бесполезно пытался найти ночлег. Он двигался медленно вдоль дома, завидуя припаркованным и уже спящим машинам. Сверху хорошо было видно, что здесь ему переспать не удастся.

– Может, вы знаете, как ее выращивать? – добыл Павел для Фортуны огонь в продолжение темы.

Она затянулась робко, подержала дым во рту, выпустила. Было видно, что не делала этого уже тысячу лет, а может, и больше:

– Для начала перейти на «ты».

– Ну, наконец-то. Какое незапланированное счастье!

Павел стоял очень близко к Фортуне. Его мысли увлекли ее глаза: теплые, расслабленные, искренние. Владелица которых все время очаровательно спит под Млечным Путем, широко распахнув их, огромные настолько, что нет никакой

необходимости подчеркивать взгляд на жизнь теньями. Ленивые веки, словно приоткрытые окна, украшены густо ресницами. Они спокойны. Теплая поволока влюбленности, словно прозрачная занавесь, защищает ее от лучей незнакомцев, храня в себе тайну избранника. И каждый взмах ресниц разбрасывает новые порции очарования не только страждущим, но и тем, кто случайно попал в ее поле зрения. Ему очень сильно захотелось рассказать ей об этом, но, пока он раздумывал, Фортуна его опередила:

– Если говорить о планах, то у каждой женщины он свой: одним обязательно надо любить, остальным достаточно быть любимыми, некоторым же подавай и того и другого. Но именно с появлением другого и начинается все самое внеплановое.

– Как же тебя угораздило замуж выйти?

– Хотела отомстить одному.

– Отомстила?

– Да, причем сразу обоим. И себе в том числе.

– Мстить себе, наверное, особенно приятно.

– Ты не знаешь, как трудно любить человека только за то, что он твой муж.

– Ну ты же живешь так, значит, тебя все устраивает.

– Ты даже не представляешь, как мне неудобно. Будто обстоятельства стеснили меня и поставили в такую неудобную позу, из которой я не могу никак выйти, разве что из себя.

– Бедный твой муж, как можно было сделать столько оши-

бок в одном предложении?

– К счастью, он богат.

– Ты считаешь, экономика имеет какое-то отношение к счастью?

– Это он считает, а я трачу. И чем несчастнее женщина, тем больше хочется ей тратить.

– То есть, если женщина зачастила на шопинг, значит, она глубоко несчастна?

– Да, однако виду не подает. И магазины отчасти в этом ей помогают до поры до времени.

– До какой поры?

– Когда наступает межсезонье и хочется прижаться к кому-то и спрятаться от навязчивых сквозняков депрессий.

* * *

– Герои вашего фильма мне показались куда счастливее нас, – глотнула новую порцию дыма Фортуна.

– Ну нет, история не настолько счастливая, как может показаться с первого взгляда.

– Да? Если говорить о моем взгляде, то Венеция – красивая жемчужина в оправе моря.

– Это для нас, потому что мы спешим туда, как на праздник. А для тех, кто там живет, это обычный город, в котором им суждено было вынырнуть на свет, чтобы впервые глотнуть воздух, потом молоко, кофе, дым, – показал Павел свой

окурок и запустил его в темноту, – вино, губы...

– Выйти на свет, чтобы надеть маски, – не удержалась Фортуна и тоже запустила огарок в космос. – Я где-то читала, что жители Венеции носили их постоянно, меняя в зависимости от обстоятельств. Так как город был небольшой, маски позволяли флиртовать, гулять, изменять, жить в облике загадочных незнакомок и незнакомцев, – развернулась она с намерением вернуться обратно в комнату, в тепло.

– Перестань читать мысли, – продолжал Павел разглядывать звезды.

– Это мое любимое хобби, когда нет под руками книги. Кстати, этому фильму наверняка тоже предшествовал какой-нибудь роман? – отвечала она уже из кухни.

– Да, есть книга, сейчас я тебе принесу, – прошел с балкона сквозь кухню Павел, оставив Фортуну одну, и утонул в коридоре.

Сначала она разглядывала обои, на которых золотые рыбки пытались подплыть друг к другу. Они улыбались, однако волею художника или судьбы, если у рыб таковая имеется, им не суждена была эта близость. Потом достала из сумочки зеркало, высмотрела там себя, полюбовалась и убрала его обратно. Этого ей показалось мало, какие-то непонятные инстинкты заставили подняться, найти губку и смести со стола крошки хлеба, вытряхнув их в раковину. Две чашки, скупавшие там, тут же были вымыты ею. «Зачем?» – спросила себя после Фортуна. «Буду считать, что от чистого сердца», –

ответила она себе и вздрогнула, увидев рядом черного мужчину в каске, который протянул ей книгу:

– Теперь похож?

– Жуть, ты меня напугал, – приняла она книгу, все еще не веря, что это Павел.

– Не волнуйся, это грим, – снял он каску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.